

«ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ ИЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ К СБОРНИКУ»

НЕИЗДАННАЯ ЗАМЕТКА ГЕРЦЕНА

Предисловие редакции

Публикация и комментарии А. Иващенко

В своем обращении «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. — Братьям на Руси», датированном 21 февраля 1853 г., Герцен писал между прочим: «Еще в 1849 году я думал начать в Париже печатание русских книг, но, гонимый из страны в страну, преследуемый рядом страшных бедствий, я не мог исполнить моего предприятия»¹. Каких-либо других свидетельств, которые позволили бы яснее и точнее осветить этот первый замысел Герцена организовать за границей вольную русскую печать, до сих пор не было известно, если не считать некоторых косвенных и не вполне определенных замечаний Герцена в письмах и статьях. Так, например, в письме к Т. Н. Грановскому, Е. Ф. Коршу и другим московским друзьям от 27 сентября 1849 г. Герцен говорит: «Никогда не было время лучше для того, чтоб поднять русскому голос»². Но далее Герцен рассказывает о своих издаваемых в иностранных переводах книгах и, таким образом, не ясно, имеет ли Герцен в данном случае в виду и печатание за границей на русском языке. В статье, датированной 1 марта 1849 г., которая должна была служить предисловием к русскому изданию «С того берега», осуществившемуся лишь в 1855 г., Герцен писал, обращаясь к русским друзьям: «Я здесь — бесцензурная речь ваша»...³

Значение публикуемого ниже документа, предисловия Герцена к предполагавшемуся тогда сборнику его произведений, и заключается прежде всего в том, что он подтверждает вышеприведенные строки из «Братьям на Руси» и свидетельствует о том, что уже в начале 1849 г. в Париже у Герцена сложился ясный план печатания русских книг за границей и нелегальной доставки их в Россию. Герцен уже тогда стремился печатать для русских в России и готов был стать издателем присылаемых из России рукописей.

Дата документа: 1 мая 1849 г., объясняет и условия возникновения этого плана и неизбежность его неудачи в этот период. Хотя Герцен и тогда страстно и глубоко переживал крушение своих надежд и верований после июньских дней 1848 г., тем не менее до 13 июня 1849 г., т. е. демонстрации Горы, Герцен считал не исключенной возможность жизни и работы в Париже. Тогда еще многие политические друзья Герцена, принадлежащие к кругам международной демократии, жили в Париже и не разразилась еще семейная драма Герцена, которая с особенной остротой заставила его и в «частном» пережить то, что он испытал в июньские дни 1848 г. в «общем». В ближайшие дни после 13 июня 1849 г. Герцен покидает Париж. В сентябре Герцен пишет московским друзьям: «...Блинда схватили, Руге спасся бегством... Тюрьмы во Франции страшны, беззаконие еще страшнее — я решился убраться тем более, что для меня 13 июня — день презрительный и глупый. Я сделал очень хорошо, ибо на другой день после отъезда моей жены явились жандармы к моей матери, захватили все, что было письменного... и, ничего не найдя, донесли русскому посольству»⁴. Больше об организации вольной русской печати в Париже, естественно, не приходилось думать. Однако, как видно из публикуемого документа, и в мае 1849 г. Герцен уже допускал возможность того, что вольная русская печать будет организована не в Париже, а в Лондоне.

Хотя в нашем распоряжении имеется лишь копия публикуемого документа, тем не менее содержание его, упоминание состава предполагавшегося сборника и стиль делают принадлежность его Герцену несомненной.

Нахождение документа в собрании Т. Н. Грановского, так же как и его содержание, косвенно указывает на адресата этой статьи-письма. Обращение «любезнейший

друг» и «ты» употребляется Герценом в этот период в письмах к Т. Н. Грановскому и Н. П. Огареву (ср. издание «А. И. Герцен. Новые материалы». Труды Публичной библиотеки им. В. И. Ленина. М. 1927, стр. 69).

Для пояснения состава этого сборника укажем лишь, что «статьи, писанные в 48 году и в начале нынешнего», явно представляют собою те главы «С того берега» (название это и притом в немецком переводе упоминается Герценом впервые в сентябре 1849 г.), которые были написаны до мая 1849 г. Указанный же Герценом очерк под названием «Крайности сходятся» остается до сих пор неизвестным, если только произведение это не было впоследствии опубликовано Герценом под другим названием. Однако отнести это заглавие к одной из известных вещей Герцена, носящих характер очерка или рассказа, представляется затруднительным.

Таково в самых общих чертах значение и особенности публикуемого документа, имеющего существенное значение для биографии Герцена и истории вольной русской печати за границей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герцен, т. VII, стр. 187.

² Герцен, т. V, стр. 289.

³ Там же, стр. 390.

⁴ Там же, стр. 285.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ ИЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ К СБОРНИКУ

Любезнейший друг! Не смотря на все твои возражения, я не перестану повторять, что печатать в России всегда было трудно. В то время, как везде писатель старался всего более о том, как яснее изложить мысль свою — у нас приходилось делать обратное: затемнять ясность на столько, на сколько [это было возможно] * это нужно, чтоб пропустила цензура. Тем не менее мы писали, скрепя сердце, на столько, на сколько это было возможно. С детства привычные скрывать половину всего, что волнует душу, что занимает ее, мы кой-как ладили с Петербургской цензурой, которая, при всей привязчивости и строгости, была умнее, человечественнее, нежели дикая цензура в Москве, подобострастно и тупо вымарывавшая все в чем находила след независимой мысли. Мы знали наши пределы: знали, что об офицерах ничего нельзя говорить; знали за то, что гражданские чиновники до начальников [отделения] департамента были преданы литературе, мы знали, что иногда дозволялось хлестнуть и помещиков, когда еще верили, что правительство подаст руку помощи несчастному народу, отданному на грабеж дворянству. Теперь и это скудное поприще, предоставленное слову, сделалось невозможным. После февральской революции испуганное правительство придумало еще цензуру над цензурой, цензуру контроля, надзора, и в этой цензуре сидят уже не цензора, а генералы, адъютанты и министры¹. С тех пор ровно уже ничего нельзя печатать. Журналистика, этот важный орган образования, у нас сделался до того бесцветным, что нельзя читать; литература приостановлена. Страсть к цензуре развилась у нашего правительства в последнее время до того, что оно завело цензуру в Бухаресте, в Яссах; гнать мысль и слово — превратилось в болезнь, в мономанию. Как ни нелеп этот бой с мыслию, мы не будем порицать Русское правительство; оно поступает точно так, как и все правительства, не исключая [и] мецанской республики: у него только больше средств в руках — оно их употребляет — вот и все различие; дух, стремление — одни и те же. Их можно до некоторой степени оправдать — это дело самосохранения; но у нас свое дело и мы не можем остаться в этой немоте, мы не должны замолчать оттого, что нам не позволяют

* В квадратных скобках, здесь и дальше, — слова, в оригинале зачеркнутые.

говорить. — Какие бы меры правительство ни употребляло — оно может заставить нас молчать только до тех пор, пока желание высказаться будет слабо, или сама мысль, которую хотим высказать, будет слаба. Возмуждалую мысль, окрепнувшую волю удержать невозможно: она или сломит препятствия или ускользнет от преследования и, изгнанная в одном месте, вовсе неожиданно является в другом. Новая цензура в цензуре заперла мне все журналы — я ей от души благодарен: она освободила меня от всякой цензуры, я буду печатать в Париже, в Лондоне. Увеличение цензурных гонений в России показывает, что пришла пора начать заграничную Русскую литературу; и в самом деле у порядочных людей нет больше мыслей, которые бы могли процедиться сквозь цензуру в квадрате, — те же мысли, которые могут пройти, не принадлежат литературе.

Правительство напоминает нам, что время гласности для нас настало; покажем ему, что мы не хотим ни подчиняться тупой тяжелой цензуре, ни болтать бесцветный вздор, — что мы не хотим более ни молчать, ни притворяться. Пора нам стереть с себя позорное обвинение в страдательной выносимости — мы выносили от незрелости, от молодости, — мы выносили от того, что ничего не было готового. Я думаю, что это время проходит, и потому считаю необходимым, чтобы где-нибудь раздалось свободное русское слово; как бы слабо оно ни было на первый случай — оно получает особое значение, и вы увидите: мой опыт найдет последователей. — Для всего мира наступает новая эпоха; — в ней Русь призвана играть новую роль: не быть чужой как до Петра, ученицей — как после него, врагом — как теперь. Старые государства Европы начинают чувствовать, что для них настает дряхлость, что у них нет ни достаточно сил, ни достаточно энергии, чтоб стать на высоту новой общественной жизни; они берегут приобретенное и хотят обмануть смерть; они слабеют, не умея сладить ни с свободой, ни с рабством, ни с республикой, ни с монархией; они теряются сокрушенные внутренней борьбой. — Франция (вечно впереди!) дает печальный пример борьбы против великих судеб своих; испуганная будущим, она, в каком-то тяжелом опьянении, отказывается от всего приобретенного кровью и трудами семидесяти лет. И чем ближе подступает роковое будущее, чем неотразимее оно — тем болезненнее поднимается грудь старых народов, трепещущих за нажитое благо, за свою цивилизацию, тем чаще и чаще обращают взгляды на эту загадочную страну, называемую Россией. Мнения Франции относительно России и русских много изменились с Февральского переворота. С одной стороны, все ложные поклонники свободы, вся эта либеральная толпа, которая играла в оппозицию, испуганная близким восстанием пролетариата — смотрит на Россию, как на единственный оплот порядка; они нашли в душе своей настолько совести, или настолько утратили стыд, что не толкуя больше о Русском деспотизме — они завидуют ему — с уважением склоняются перед этим колоссальным рабством. Тьер, в народном собрании, поставил в образец Франции Русское правительство — этот идеал *d'un gouvernement fort* *. Они нас считают консерваторами, а нам и беречь то нечего, кроме общинного сельского быта и самих себя. Европейцы не понимают, что весь императорский период в России не имеет в себе ничего прочного, окончательно установившегося; это революционная диктатура во имя самодержавия: он держится террором без всяких законов, без всяких прав. Может быть этот период был нужен для скрепления в одно государство сильное и сосредоточенное всей [России] Руси; но все же это не нормальное состояние, не *statu[s] quo*, а кризис,

* Твердой власти.

И. И. Грановскій

to the Honorable Council of the University

О ПУБЛИЧНЫХЪ ЧТЕНІЯХЪ Г-НА ГРАНОВСКАГО.

(Письмо второе) (*).

(Сообщено).

Публичныя чтенія Грановскаго кончились: въ ушахъ моихъ еще раздаются дрожащій отъ внутренняго волненія, глубоко потрясенный отъ сильнаго чувства, голосъ, которымъ онъ благодарилъ слушателей, и дружный, громкій, продолжительный откликъ, которымъ аудитория прогресса ему свою благодарность. — «Благодарю еще разъ, благодарю тѣхъ, которые, сочувствуя мнѣ, раздѣлили добросовѣстность моихъ ученыхъ убѣжденій, благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность!» Эпими прекрасными словами заключилъ Грановскій свой курсъ. Вы помните, что, послѣ перваго чтенія, я рѣшился назвать событіемъ замѣчательнымъ этошъ курсъ, — теперь я имѣю нѣкоторое право сказать, что не ошибся. Учасіе къ чтеніямъ Г-на Грановскаго непрерывно возрастало, его кафедра была постоянно окружена двойнымъ вѣнкомъ дамъ, и замѣтите, доцентъ читалъ свой предметъ со всею важностью науки, не разсыпая ненужныхъ цѣтковъ, не жертвуя глубиной для *пріятной легкости*. Мнѣ кажется, ничѣмъ не могъ онъ болѣе выразить своего уваженія и благодарности слушательницамъ, посѣщавшимъ его чтенія, — и онъ были ему признательны. Слава Богу, проходило время того оскорбительнаго вниманія къ женщинамъ, когда для нихъ, рядомъ съ дѣльнымъ изложеніемъ науки, излагали предметъ намѣренно — искаженнымъ образомъ, считая однимъ мужской умъ способнымъ къ глубокомыслію.

Московское общество узнало, сидя на Университетскихъ скамьяхъ, новое увлекательное и сильно - занимающее

(*) 1-е Первое было помѣщено въ 142 № Московскихъ Вѣдомостей 1843 года.

переворот, осадное положение, suspension des droits de l'homme * 93 года.

С другой стороны, демократы и социалисты примирились с Русью по частным, личным столкновениям с Русскими. По счастью, в последнее время вывелись все эти карикатурные русские туристы, о которых мещанские журналы, бледнея от зависти, повествовали, сколько они проиграли в карты, сколько бросили золота лореткам. Шари простился с ними прекрасной карикатурой Гаварни: «le dernier Prince Russe à Paris» **, Париж после революции не так забавен — они предпочитают теперь минеральные воды. [Париж после рев.] За то имя Русских повторяется при всяком общем деле. Я вас спрашиваю, было ли что-нибудь подобное не только в первую революцию, но и после 30 июля? — За несколько дней до 24 февраля министры Людвига-Филиппа выгнали из Парижа Русского за то, что, в смелой речи к Полякам, он показал, что Русские вовсе не делют кровавых пятен своего правительства ². Брюссельские демократы с радостью приняли изгнанника на короткое время, пока французский народ в свою очередь прогнал министров и их короля. — Русские подали первую мысль Европейского демократического клуба, убитого реакцией после июльских дней; Русский был избран президентом его ³; Русский представлял республиканскую сторону на славянской диете в Праге; Русский, призванный свидетельствовать в Буржескую инквизицию, стал за 15 мая ⁴. Русские участвовали во всех демократических складчинах. В июльские дни схватили бумаги одного русского ⁵, думая найти, что он агент Пита и Кобурга, и тихо возвратили их, убедившись, что он больше республиканец, нежели полиция Кавеньяка.

Все это вместе имеет в моих глазах некоторую важность; кто сколько-нибудь приучил свой глаз к наблюдательности, — тот согласится со мною, что такого рода явления не бывают без корней; недоставало одного — печатать по-русски заграницей. Я это делаю теперь, и охотно берусь быть издателем рукописей, которые мне доставят. Но для кого мы будем печатать по-русски? Я знаю, что не только книгу в России запретят, но что учредят особый пограничный кордон ad hoc и новое ведомство предупреждения и пресечения ввоза мятежной книги — и все-таки печатаю ее для Русских в России. Мы посмотрим, кто сильнее — власть или мысль. Мы посмотрим, кому удастся — книге ли пробраться в Россию или правительству не пропустить ее.

Да здравствует свобода книгопечатания!

Париж
1 мая 1849

В Сборник, предлагаемый теперь, составлен из статей, писанных в 48 году и в начале нынешнего. Я присовокуплю к ним маленький очерк: «Крайности сходятся», не пропущенный цензурой, и небольшую статью «Москва и Петербург», написанную очень давно, и которая имела некоторый успех (разумеется в рукописи). Наконец я тут же поместил первую часть повести: «Долг прежде всего». Я не могу теперь ее продолжать и вообще не знаю, когда возвращусь опять к ней. Другие занятия, другая жизнь отвлекли меня от чисто-литературной деятельности. Следующая книжка будет заключать в себе, сверх продолжения Парижских писем, ряд статей о значении России, о ее отношениях к Европе, о ее внутреннем быте.

* Разгром прав человека.

** Последний русский князь в Париже.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемый выше документ выявлен в собрании Т. Н. Грановского, хранящемся в архиве Государственного Исторического музея в Москве. Представляет он собою рукопись на шести страницах писчей бумаги в четверку, исписанных мелким, убогим почерком неизвестной рукой. О принадлежности документа Герцену см. в предисловии.

¹ После Февральской революции 1848 г. в Европе для усиления цензурного режима в России была создана особая комиссия под председательством А. С. Меншикова, с участием М. А. Корфа, гр. А. П. Строганова, Д. П. Бутурлина и Л. В. Дубельта. Вскоре она была преобразована в известный своей расправой над печатью «Бутурлинский комитет».

² Речь идет здесь об М. А. Бакунине.

³ Здесь имеется в виду эмигрант Н. И. Сазонов, организовавший в 1848 г. в Париже международный клуб.

⁴ В марте 1849 г. в Бурже состоялся верховный суд над группой французских революционеров — участников майских выступлений 1848 г. Всем обвиняемым были вынесены суровые приговоры — до десятилетнего тюремного заключения. В числе свидетелей, допрошенных по этому процессу, был эмигрант И. Г. Головин.

⁵ Герцен имеет в виду самого себя.